

И. Г. Головинъ.

Императоръ Николай I-й по характеристикѣ современника его, эмигранта-публициста Ивана Гавриловича Головина.

Иванъ Гавриловичъ Головинъ—извѣстный эмигрантъ-публицистъ царствованія Николая I-го, много поработавшій за границей для распространенія идей свободы въ Россіи и особенно бичевавшій тяжелое царствованіе современнаго ему государя Николая I-го. Иванъ Гавриловичъ родился въ 1819 году и принадлежалъ къ старому дворянскому роду въ Россіи. Будучи въ 1843 году въ отпуску въ Парижѣ, Головинъ отпечаталъ здѣсь трудъ свой—трактатъ о политической экономіи, чѣмъ вызвалъ гнѣвъ Николая I-го. Неоднократно вызываемый въ Петербургъ письмами Дубельта и Бенкендсрфа къ нашему тогда послу въ Парижѣ Киселеву, Иванъ Гавриловичъ, справедливо предвидя себѣ ссылку или тюрьму, отказывался отъ возвращенія на родину. Заочно послѣ этого осужденный въ ссылку въ Сибирь и лишенный всѣхъ правъ состоянія (все имущество Головина взято въ казну), Головинъ навсегда остался за границей, принявъ въ 1845 году англійское подданство.

Проживая за границей, Иванъ Гавриловичъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Лейпцигѣ выпустилъ на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ цѣлый рядъ трудовъ, изъ коихъ намъ извѣстны: „La Russie sous Nicolas I-ier“ (1845), „Russland und Alexander II (1857), „12 лѣтъ въ Англіи“ и „Бѣглець“. Всѣ эти труды попадали въ Россію запрещенными и, помимо печатныхъ, по рукамъ ходило много очерковъ Головина въ рукописяхъ, часть изъ которыхъ мы видѣли въ собраніи П. Я. Дашкова.

Свидѣтельство правдиваго, просвѣщеннаго и глубоко любящаго свою родину Ивана Гавриловича Головина имѣетъ большую цѣнность, также и какъ современника Николая I-го и очевидца событій, которыя онъ переживалъ въ зрѣломъ возрастѣ и вполне сознательно.

Имѣющійся въ нашемъ собраніи подлинный автографъ отъ 1859 г., при портретѣ И. Г. Головина ¹⁾, заключаетъ въ себѣ строки, характерныя и для Головина и для его времени. „Удивительно, сколько маленькихъ тиранновъ создаетъ русскій режимъ“, пишетъ Головинъ въ этомъ автографѣ.

„Почти всѣ люди господствующаго класса—маленькіе деспоты, и я сказалъ бы, что въ Россіи либеральными и гуманными людьми являются только просвѣщенные женщины. Пріятно имѣть возможность властвовать и отчего же не властвовать съ пріятностью? Но рабство уничтожило всякое чувство приличія и благопристойности“.

Въ этомъ обращеніи Головина все сказанное для времени Николая I-го въ большей своей части остается справедливымъ и до послѣднихъ дней стараго режима.

Для характеристики Головина необходимо также привести предисловіе къ его труду „La Russie sous Nicolas I-ier“, которое одновременно объясняетъ и цѣли и побужденія публицистическихъ выступленій Ивана Гавриловича.

Б. Коллюбакинъ.

„Ома Головинъ (предокъ Ивана Гавриловича), призываемый Борисомъ Годуновымъ къ возвращенію на родину“, начинаетъ Головинъ свое предисловіе, „отвѣгилъ, что онъ вернется на родину только тогда, когда въ ней исчезнутъ слѣдующія положенія-поговорки: „все, что мое—есть царское“, „близокъ къ царю—близокъ къ смерти“ и „не бойся суда, а бойся судьи“. Прошло два вѣка, и въ несчастьяхъ Россіи не произошло много переменъ. Вопреки торжественно провозглашенныхъ законовъ къ конфискаціи присоединенъ секвестръ; близость къ царю—хорошее предзнаменованіе только для его куртизановъ; преслѣдованію подвержены люди независимые и просвѣщенные, и русскій судъ есть исполнитель предначертаній свыше. Старыя пословицы

¹⁾ Въ нашемъ собраніи имѣется литографированный портретъ И. Г. Головина (Leipzig. Verl. von Hsch. Hübner) съ русской подписью Иванъ Гавриловичъ Головинъ и брата его Оедора—изъ серіи автографій Вагнера. Братъ его былъ въ чести у Николая I-го, будучи шталмейстеромъ двора его. *Б. К.*

замѣнены новыми: До Бога высоко—до царя далеко, кто служить, тотъ жалуется (плачется), въ противовѣсъ пословицѣ, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ.

Взамѣнъ жестокостей старины явились злоупотребленія другого рода, и если бы я пожелалъ подражать злему языку моего предка, я бы сказалъ: я вернусь, когда вся Россія будетъ повышена въ чиновниковъ 14-го класса (съ котораго чина русской обыватель избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія), во-вторыхъ, когда нѣмцы будутъ стоять не больше русскихъ ¹⁾ и въ третьихъ, когда перо на вѣсахъ общественной жизни будетъ имѣть вѣсъ и значеніе желѣза ²⁾.

Мое счастье не можетъ быть полнымъ безъ счастья моихъ согражданъ. Не надѣясь увидѣть въ скорости осуществленіе этого положенія и при невозможности этому способствовать, живя въ Россіи, я отказываюсь отъ жизни въ ней тѣмъ съ большей легкостью, что я надѣюсь быть полезнымъ Россіи, живя за границей. Не первымъ и не послѣднимъ буду я описывать парабощеніе Россіи и не первымъ выступаю я съ протестомъ противъ притѣсненій моей родины. Я никогда не достигну энергій русскаго поэта, сказавшаго: „Въ Россіи въ чести лишь царь, да кнутъ, и русскіе дураки кричатъ ура, тогда какъ имъ слѣдовало бороться“.

Не буду я никогда на высотѣ и этого стиха: „Я видѣлъ Россію, преклоненную у алтаря, цѣпями бряцаая, съ согбенной выей, она молилась за царя“.

Если я говорилъ дурно о Россіи, то только любя ее. Къ недостаткамъ иностранцевъ мы относимся безразлично, тогда какъ недостатки своихъ братьевъ насъ возмущаютъ, такъ какъ мы всегда строги къ тѣмъ, кого любимъ. Кромѣ того Россія для меня понятіе абстрактное; великую и прекрасную Россію я хотѣлъ бы видѣть еще болѣе возвеличенной. По отношенію же правительства я не считалъ нужнымъ быть снисходительнымъ, считая его виновнымъ въ многочисленныхъ бѣдствіяхъ, омрачающихъ Россію, а потому я считалъ бы малодушіемъ быть къ нему снисходительнымъ. Несправедливость правительства по отношенію ко мнѣ не сдѣлала меня несправедливымъ по отношенію къ нему.

¹⁾ При Николаѣ I-мъ нѣмцы пользовались предпочтеніемъ болѣе чѣмъ когда-либо. Всѣ высшіе посты, большинство чиновниковъ и офицеровъ гвардіи замѣщались нѣмцами. Б. К.

²⁾ Однако эти требованія русской, любящей родину, могъ бы предъявить и при Николаѣ II-мъ. Не даромъ, говорятъ, что идеаломъ послѣдняго былъ Николай I-ый. Б. К.

Наоборотъ, оно увеличило мою осмотрительность, доказывая вины всякой несправедливости. Люди власти не смѣютъ или не желаютъ возвысить голоса. Они ловятъ рыбу въ мутной водѣ и потому продолжаютъ мутить эту воду. Они-то и есть настоящіе измѣнники родинѣ и настоящіе возмутители.

Неужели человѣкъ, который имѣлъ смѣлость сдѣлаться свободнымъ, чтобы имѣть возможность разоблачить всю низость и все невѣжество правительства, заслуживаетъ только негодованіе и презрѣніе? Гласность имѣетъ ту хорошую сторону, что заблужденіе съ временемъ само собой разрушается, тогда какъ истина живетъ и приумножается. То же повторится и съ моей книгой: всякое остервенѣніе противъ меня будетъ происходить или отъ ослѣпленія или отъ злой воли, которая не считается съ намѣреніями и видитъ только эффектъ данной минуты.

Я приводилъ только такіе анекдоты, за источникъ которыхъ я ручаюсь. Достаточно, чтобы анекдотъ получилъ распространеніе въ народѣ, чтобы онъ нашелъ мѣсто и въ исторіи, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ характеризуетъ человѣка, къ которому онъ относится. О великихъ людяхъ и о хорошихъ государяхъ приводятъ такіа черты, которыя говорятъ только въ ихъ пользу; но настолько и тяжело свидѣтельствованіе о государяхъ злыхъ и неспособныхъ.

Если бы я высказалъ все то, о чемъ я долженъ былъ молчать, и если бы я огласилъ всѣ тѣ испытанія, которымъ подвергалось все то, что я долженъ былъ высказать, то не было бы никакихъ сомнѣній въ правдивости моихъ разсказовъ. Впрочемъ достаточно сказать, что я ничего не выдумалъ.

Да что стоитъ Николаю доказать, что мое сужденіе о его заслугахъ лживы и что онъ вполне достоинъ царствовать надъ порученнымъ его попеченію народомъ? Пусть прикажетъ онъ исполнить это своимъ приспѣшникамъ.

Пусть онъ скажетъ Орлову, что отнынѣ онъ будетъ управлять съ кротостью, правдивостью и довѣріемъ и что онъ упраздняетъ тайную полицію!!

Пусть онъ скажетъ Блудову, что, собравъ всѣ русскіе законы, онъ убѣдился въ томъ, что ихъ нужно предать огню, такъ какъ они недостойны ни вѣка, въ которомъ мы живемъ, ни Бога, ни людей, и что онъ ихъ замѣнитъ справедливыми и мудрыми законами.

Пусть онъ скажетъ Панину, что грабителямъ мѣсто въ Сибири, а не у власти.

Пусть онъ скажетъ Уварову, что ему не нужно этого шарлатанства въ цивилизаціи, и онъ требуетъ цивилизаціи небесной чистоты.

Пусть онъ скажетъ Перовскому, что имя его должно слиться съ величайшимъ актомъ нашего вѣка—освобожденіемъ крестьянъ и что, если въ скоромъ времени помѣщики не раскрѣпостятъ своихъ крестьянъ, крестьяне сами это сдѣлаютъ, такъ какъ рабовъ не можетъ и не должно быть въ христіанской странѣ.

Пусть онъ скажетъ Нессельроде, что Франція, этотъ очагъ цивилизаціи, заслуживаетъ его уваженія и не можетъ быть его врагомъ.

Пусть также скажетъ онъ, что Польша достаточно страдала и какъ Господь сорвалъ съ его глазъ завѣсу, покрывающую ихъ, и что онъ снимаетъ съ Польши цѣпи.

И сказавъ все это—пусть же онъ и исполнитъ обѣщанное.

Тогда исторія измѣнитъ свой приговоръ, она скажетъ, что онъ много погрѣшилъ, но искренно раскаялся, и поставитъ его имя на-ряду съ тѣми, кого чтятъ народы.

Неужели недостаточно того порицанія, которое возбуждаютъ всѣ его дѣйствія?

Не думаетъ ли онъ, что только заблужденіе и ложь на сторонѣ цивилизованнаго міра и что вся мудрость и благородство на его сторонѣ?

Конечно, если царствованіе абсолютныхъ монарховъ есть удовольствіе, то неизмѣримо радостнѣе даровать свободу тому народу, которымъ управляешь; но подобная высокая радость дана только душамъ чистымъ и прекраснымъ ¹⁾.

Парижъ 14 іюля 1845 года.

¹⁾ Таково откровеніе просвѣщеннаго русскаго человѣка сороковыхъ годовъ, и такихъ людей и такихъ откровеній было много въ Россіи въ теченіе всего XIX вѣка. Мы недостаточно только знаемъ ихъ. Иванъ Гавриловичъ Головинъ не былъ выдающимся человѣкомъ и дѣятелемъ, это былъ рядовой человѣкъ тысячи. Онъ былъ только представителемъ и явился выразителемъ общественной мысли сороковыхъ годовъ, но выдѣлившимся тѣмъ, что сила правды, вѣрнѣе, чувство правды и любви къ свободѣ у него были въ такой степени, что онъ рѣшился бросить отчій домъ, родину, жизнь почета и комфорта для свободной и честной жизни изгнанника, полной лишеній, но въ возможности громкаго осужденія въ собраніяхъ и въ печати правительства своей родины. Вотъ что выдвинуло его изъ толпы людей, равныхъ ему по образу мыслей, по молчавшихъ и терпѣвшихъ тотъ гнетущій порядокъ, который Россія свергла только въ 1917 году. *В. Кол—нъ.*

Когда проходишь по Романовской портретной галлерей, взоръ съ удовольствіемъ останавливается на мужественныхъ и національныхъ чертахъ Петра I, недостатки котораго были недостатками его страны и его вѣка, а качества были качествами генія. Тѣ же черты пріятно видѣть въ Аннѣ I-ой, которой, во имя дяди, прощаешь пороки, которые въ сущности можно свалить на недостойнаго царедворца-курляндца Бирона. Затѣмъ съ Петромъ III всякое сходство окончательно—теряется: русскій чело-вѣкъ недоумѣваетъ, откуда онъ взялся?! Черты, осанка—несомнѣнно нѣмецкія и онъ съ трудомъ выговариваетъ имя Гольштейнъ-Готторпъ.

„Нѣмецъ“ ненавистное слово для русскаго; подъ словомъ нѣмецъ—нѣмой славянинъ или чело-вѣкъ слова обобщалъ всѣхъ инностранцевъ ¹⁾. Но вернемся къ Романовской галлерей. Какъ бы то ни было, но Петръ III внукъ Петра I, а русскіе безгранично обожаютъ своихъ царей, отъ внуковъ и правнуковъ. Но все-таки, съ какихъ это поръ мать передаетъ своимъ дѣтямъ имя своего отца. Отъ Петра III перейдемъ къ его женѣ Екатеринѣ II. Русскій, вспоминая, что ей онъ обязанъ присоединеніемъ Крыма и Литвы, готовъ дружески отнестись къ этой мужественной женщинѣ и ласково называетъ ее матушкой. Но при видѣ Павла I — онъ столбѣнѣетъ. Эти черты рѣшительно ничего не говорятъ его сердцу; эти черты не Екатерины и не Петра III, еще менѣе Романовыхъ. Извѣстно, что Петръ III былъ неспособенъ къ брачному сожителству, а потому приказаніе Сената Екатеринѣ о допущеніи Салтыкова къ царскому ложу по истинѣ жестоко, если этотъ вельможа походилъ на своего сына ²⁾. Какъ могъ Сенатъ совершить такую оплошность, дѣлая такое предложеніе женщинѣ, которая знала толкъ въ мужчинахъ? Странная игра природы! Павелъ походилъ на

¹⁾ Эту антипатію русскихъ съ нѣмцами раздѣляютъ и поляки, у которыхъ существуетъ пословица: „пока свѣтъ существуетъ—полякъ не будетъ братомъ нѣмца“.

²⁾ Знатокъ иконографіи русскихъ дѣятелей покойный П. Я. Дашковъ отрицалъ сходство Павла съ Салтыковымъ и считалъ Павла скорѣе сыномъ Петра III, на котораго онъ походилъ и вкусами и страстями.

В. Колубакинъ.

финна изъ-подъ Стрѣльны: рыжіе волосы, курносый и типичное упрямство даютъ поводъ предположить что какимъ-то образомъ его подмѣнили. Сенатъ приказалъ, чтобы у Екатерины родился сынъ; а что, если родилась дочь, и эта дочь умерла?! Странѣ былъ нуженъ наслѣдникъ; честолюбивая Екатерина стремилась сохранить власть, и близость воспитательнаго дома, въ которомъ находилось много финскихъ дѣтей, — все это въ общей совокупности даетъ поводъ дѣлать предположенія, которыя могутъ быть и дѣйствительностью, а именно что дѣвочку, родившуюся мертвой, подмѣнили сыномъ какого-нибудь финна. Иначе, какъ же объяснить вздернутый и сплюснутый носъ, а рыжія волосы Павла и ненависть Екатерины къ своему сыну Павлу? Пушкинъ оригинально изображалъ національность царствующей династіи. Онъ наливалъ въ кубокъ стаканъ хорошаго краснаго вина въ честь Петра I, русское происхожденіе котораго было внѣ сомнѣнія, затѣмъ онъ наливалъ въ кубокъ стаканъ воды въ честь отца Петра III и, казалось, можно было этимъ ограничиться и опорожнить кубокъ, но, онъ вливалъ еще стаканъ воды, въ честь Екатерины II — принцессы Ангальтской. Быть можетъ можно было на этотъ разъ влить и стаканъ вина, но, боясь ошибиться, онъ смѣло вливалъ четвертый стаканъ воды въ честь Маріи Ѳеодоровны, матери Николая I; затѣмъ пятый стаканъ вливался въ честь нынѣшней императрицы Александры Ѳеодоровны. Въ концѣ концовъ получилась жидкость, столь слабо окрашенная, что раздавался дружный хохотъ, когда Пушкинъ просилъ присутствующихъ рѣшить, было ли это вино или вода.

Насколько Павелъ былъ уродливъ физически и духовно, настолько его жена, принцесса Виртембергская была красива, Отъ этого брака родился Александръ, который походилъ на мать, какъ и она красивый тѣломъ и духомъ ¹⁾. Константинъ во всемъ походилъ на отца и былъ настолько уродливъ, насколько былъ золь. Николай былъ красивъ только тѣлесно. Михаилъ былъ и не очень добръ и не очень красивъ.

Кромѣ похищенія Екатериной престола, что было преступно по словамъ самого Николая, выразившаго однажды изумленіе

¹⁾ Съ красотой духа Александра позволимъ себѣ не согласиться съ И. Г. Головинымъ, ибо двоедушіе, хитрость, неискренность и коварство Александра всесвѣтно извѣстны.

почему его бабушку называютъ „великой“, несмотря на ея распутство, исторія упрекаетъ Екатерину еще въ томъ, что она дала дурное воспитаніе своему сыну. Она ненавидѣла Павла, считая его недостойнымъ себя сыномъ, навязаннымъ ей, и не могла примириться съ мыслью, что онъ долженъ ей наследовать на тронѣ. Она запустила его образованіе, что вмѣстѣ съ бѣшенымъ характеромъ и привело его къ насильственной смерти.

Екатерина все свое время посвящала внуку Александру, но воспитаніе его было слишкомъ чуждо обычаямъ страны и не согласовалось съ національнымъ духомъ Россіи, и кромѣ того у него не хватило рѣшимости завершить то, что онъ считалъ справедливымъ и полезнымъ.

Слабый и добрый въ одинаковой степени, настолько честный, настолько либеральный, онъ только успѣлъ бросить въ народъ зачатки свободы, которые его преемнику было угодно заглушить.

Напуганный смутами, которыя ему оставилъ въ наследство братъ, Николай думалъ, что стоило ему только дѣлать наоборотъ того, что дѣлалъ Александръ, чтобы хорошо царствовать, а именно: преслѣдовать свободу во что бы то ни стало, быть настолько національнымъ, насколько его предшественникъ былъ иностранцемъ и наконецъ настолько православнымъ, насколько тотъ былъ католикомъ. Онъ обманулъ надежды, которыя надавалъ при своемъ вступленіи на престолъ, возвѣщая, что царствованіе его будетъ только продолженіемъ царствованія брата.

Воспитаніе Николая было столь поверхностнымъ, какъ и воспитаніе его другихъ братьевъ, которыхъ не готовили къ трону¹⁾. За все время царствованія Александра онъ не занималъ должности выше начальника дивизіи²⁾; на этомъ посту онъ приобрѣлъ узкій умъ и пристрастіе ко всему военному, пристрастіе, которое онъ довелъ въ послѣдствіи до смѣшного.

Онъ былъ настолько необразованъ, что слово *миѣ* пишетъ безъ „ѣ“, что равносильно тому, если бы слово *Nicolas* писали бы по-французски безъ буквы *s*, а его деспотизмъ таковъ, что до

¹⁾ Великій князь Константинъ не могъ написать двухъ словъ по-русски, но зато довольно правильно писалъ по-французски. Я слышалъ, что одного московскаго студента сослали за то только, что въ его коллекціи автографовъ находился автографъ в. к. Михаила съ подписью „благожелательный Михаилъ“, при чемъ благожелательный написано съ буквою „ѣ“. Известно, что большинство русскихъ министровъ не умѣютъ грамотно писать на своемъ родномъ языкѣ и не всѣ могутъ оправдаться тѣмъ, что владѣютъ многими иностранными языками, какъ всѣ великіе князья. *И. Г. Головинъ.*

²⁾ Головинъ ошибается, — не выше командира бригады. *В. Колубакинъ.*

сихъ поръ ни одинъ государственный человѣкъ не посмѣлъ ему указать на столь часто совершаемыя имъ орфографическія ошибки.

Удивительно, какъ это до сихъ поръ ни одинъ русскій писатель не догадался уничтожить эту злополучную букву, хотя бы изъ желанія угодить своему государю? Любимымъ и ежедневнымъ чтеніемъ Николая служатъ „Сѣверная Пчела“—ничтожнѣйшая изъ газетъ, издаваемыхъ на бѣломъ свѣтѣ. На поляхъ Его Величества изволятъ дѣлать помѣтки; на одномъ изъ листовъ, которые всѣ тщательно собраны въ Эрмитажѣ, мы читаемъ, что слова губернской судъ, уздный судъ нужно печатать болѣе крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ.

Линейное судно „Россія“ служитъ разительнымъ доказательствомъ непросвѣщеннаго деспотизма Николая. Осмотрѣвъ судно, когда оно находилось еще на верфи, Николай нашель, что ходить на немъ было тѣсно, и приказалъ увеличить проходы; мнѣніе его взяло верхъ надъ мнѣніями знатоковъ этого дѣла, и въ результатѣ судно сдѣлалось однимъ изъ самыхъ плохихъ ходокъ русскаго флота и имъ почти не пользуются.

Когда у Николая является фантазія управлять судномъ, а это случается всякій разъ, когда онъ выходитъ въ море,—командиръ судна предусмотрительно становится за его спиной, дабы своими сигналами помѣшать точному исполненію приказаній Его Величества, приказаній, которыя неизбѣжно повели бы судно къ гибели вмѣстѣ съ его августѣйшимъ пассажиромъ. Его выстрѣлъ въ Шумль—пародія на Наполеона при Монтеро. Артиллерійскій офицеръ опредѣлилъ разстояніе до цѣли внѣ досягаемости орудія, но Николай все же приказалъ дать выстрѣлъ и снарядъ конечно не долетѣлъ.

Турецкая кампанія 1828—29 г.г. заставила замолчать лжецовъ, которые старались превозносить военные таланты Николая.

Нужно отдать ему справедливость, что со времени кампаніи 1828 года у него хватило ума отказаться отъ личнаго руководства военными операціями, ограничиваясь лишь руководствомъ маневрами.

Невозможно командовать съ бѣльшимъ изяществомъ; голосъ его покрываетъ всѣ остальные голоса и лучше командовать въ строю невозможно. Нельзя не любоваться его способностью замѣчать въ самыхъ отдаленныхъ рядахъ малѣйшую погрѣшность въ обмундированіи и снаряженіи солдата или офицера. Ни одна пуговица, ни одинъ крючекъ не ускользнетъ отъ его бдительнаго ока. Впрочемъ этотъ талантъ присущъ всей императорской фамиліи, и сколько разъ друзья родины съ невыразимой горечью думали,

что если бы эта способность была приложена къ предметамъ болѣе важнымъ и болѣе достойнымъ вниманія монарха, тогда получились бы безцѣнные для блага страны результаты.

„Берегись“, сказалъ однажды Николай, на маневрахъ у Шлисельбурга, генералу Ник. Ник. Муравьеву (по прозванію—Карскому) въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса, „берегись, я тебя разобью“. „Ваше Величество“, отвѣтилъ храбрый генералъ: „на войнѣ меня никогда не побѣждали“. На разыгравшемся маневрѣ онъ разбилъ наголову Его Величество, никогда ему этого не простившаго ¹⁾. Какъ ты находишь моихъ запасныхъ? спросилъ Николай у Муравьева. „Ваше Величество“, отвѣтилъ слишкомъ откровенный Муравьевъ, „ихъ нужно было видѣть двѣ недѣли тому назадъ, когда они пришли изъ дому, тогда это была толпа нищихъ“. Государь жестоко ему отомстилъ.

На слѣдующій день, при видѣ наступленія корпуса Муравьева, онъ замѣтилъ послѣднему: „вашъ корпусъ похожъ на толпу нищихъ“. Достойный генералъ вышелъ въ отставку, и страна вдвойнѣ страдала оттого, что въ Николаѣ не обрѣла Фридриха II (прусскаго) ²⁾.

Эти запасные, въ сущности, самая несчастная выдумка.

Всей правды не всегда рѣшишься сказать, но когда страна страдала—нужно имѣть мужество громко высказаться.

Государь сократилъ срокъ дѣйствительнаго пребыванія на службѣ солдата съ 25-ти на 22 года для армейскихъ и съ 20-ти на 15-ть для гвардейскихъ полковъ и остающееся сверхъ этихъ сроковъ время солдаты оставались на учетѣ, каждый годъ призывались принимать участіе на маневрахъ, въ случаѣ же войны призывались въ строй—въ свои части. При исполненіи этой мѣры забыли только главное, а именно ихъ содержаніе. Переставъ быть крестьянами, они перестаютъ быть и хорошими солдатами; ненужные арміи, для деревни они являются обузою и съ трудомъ находя способъ пропитанія,—сѣютъ безпорядокъ и недовольствіе среди сельскаго населенія. Помѣщики ихъ боятся, крестьяне не хотятъ ихъ знать, и такимъ образомъ правительство

¹⁾ Ник. Ник. Муравьевъ былъ уволенъ въ отставку и находился въ ней 13 лѣтъ, пока не былъ призванъ командовать войсками на Кавказѣ въ 1854 году, когда на Кавказѣ дѣла шли изъ рукъ вонъ плохо. Увольненіе Муравьева, бывшего генералъ-адъютантомъ, въ отставку нарушило обычай или законъ, по которому генералъ-адъютанты никогда не увольнялись въ отставку.

Б. Колубакинъ.

²⁾ Фридрихъ II имѣлъ, какъ извѣстно, репутацію человека, прощавшаго и не помнявшаго личныхъ обидъ.

Б. К.

вмѣсто дисциплинированныхъ солдатъ создаетъ опасныхъ и умудренныхъ опытомъ пролетаріевъ ¹⁾.

Николаю обыкновенно рѣдко отказываютъ въ силѣ характера, который онъ будто бы въ высшей степени проявилъ въ день вступленія на престолъ. Но оказывается, что его только съ трудомъ уговорили показаться передъ бунтовавшими, и также известно, что передъ тѣмъ, какъ покинуть дворецъ, онъ горячо молился Богу. Чему приписать это обстоятельство, чувству набожности или страха?!. Онъ былъ достаточно скрытенъ, чтобы афишировать первое чувство и скрывать другое. На площади онъ былъ блѣденъ и дрожалъ въ то время, когда его приверженцы утверждали, что „все погбло“, тогда какъ все шло къ лучшему. Мятежники, не имѣя военнаго начальника, оставались въ бездѣйствіи цѣлый день, и рѣшимость наконецъ дѣйствовать явилась у Николая только къ вечеру. Привезли пушки, и вотъ 12 пушекъ стали противъ 300 человекъ, противъ которыхъ было выстрелено еще 13.000 вѣрныхъ войскъ. Въ мятежниковъ стрѣляли съ сотни шаговъ, затѣмъ стрѣляли въ народъ вдоль Галерной улицы и по набережнымъ. Одна женщина выглянула въ окно—снарядъ оторвалъ ей голову. „Какъ печально началось мое царствованіе!“—воскликнулъ Николай, вернувшись во дворецъ.

Баронъ Д*, бывшій воспитатель Николая, спросилъ его однажды, какъ у него, котораго онъ всегда считалъ такимъ слабымъ, хватило столько рѣшимости. „Вопросъ шель о тронѣ“, отвѣчалъ Николай, а за такую ставку въ игрѣ стоило, въ самомъ дѣлѣ, выказать смѣлость. Въ порывѣ странной скромности Николай сказалъ маркизу Кюстину: „я только сдѣлалъ свое дѣло“. Въ официальной газетѣ было напечатано, что Николай, встрѣтивъ во дворцѣ роту взбунтовавшихся гренадеръ, которые не отдали ему честь, сказалъ имъ, что очевидно они заблудились и что имъ слѣдуетъ идти на Исаакіевскую площадь и присоединиться къ мятежникамъ. Царедворцы шли дальше, рассказывая, что во дворцѣ онъ приказалъ гвардейскимъ саперамъ навести на себя ружья, взять прицѣлъ, выдержалъ ихъ взоры, а затѣмъ скомандовалъ опустить ружья.

¹⁾ Эта ватѣя, которую поддерживалъ Николай, цѣли конечно не достигла по причинѣ своей теоретичности. Нашлись дѣятели на высшихъ степеняхъ, которые возражали, но Николай, какъ известно, не терпѣлъ возраженій, а главное, что близкія и окружающія лица не были способны къ возраженіямъ и такихъ, какъ Муравьевы (Николай, Михаилъ и Александръ) или кн. Васильчиковъ, было не много. В. К.

Когда бунтъ былъ окончательно подавленъ и солдатъ вели уже арестованными и связанными, великій князь Михайлъ впервые за цѣлый день попался имъ навстрѣчу и началъ поносить ихъ отборными ругательствами. Одинъ изъ солдатъ, осмѣлившійся не скинуть шапки, получилъ по лицу ударъ кулака его высочества ¹⁾. Послѣ побѣды Николай прибѣгъ къ милости. Слѣдственная коммиссія присудила главныхъ заговорщиковъ къ четвертованію—царь замѣнилъ четвертованіе висѣлицей.

Висѣлица была новинкой въ Россіи и Николаю выпала честь ввести ее въ Россію. Пришлось выписать палача изъ Швеціи, такъ какъ у насъ не нашлось такового.

Во время казни трое изъ осужденныхъ сорвались съ петли еще живыми. Николаю спросили, какъ съ ними поступить? „Снова повѣсить“—былъ отвѣтъ Николаю. Муравьевъ, котораго снова заставили подняться на висѣлицу, сказалъ по-французски: „Dans ce fichu pays on ne sait seulement pas prendre un homme“. Рылѣевъ сказалъ, что онъ, какъ бывшій офицеръ, подлежалъ разстрѣлянью, а не другой какой казни. По поводу этихъ казней поэтъ написалъ безсмертное четверостишіе (французскій текстъ не даетъ возможности опредѣлить автора, да и передать въ стихахъ).

Рылѣевъ, этотъ русскій Шенье, былъ въ числѣ повѣшенныхъ. Цвѣтъ русскаго дворянства былъ безжалостно скошенъ. Чего же хотѣли заговорщики? Конституціи, которую самъ Александръ жаждалъ всей душой; даруя конституцію Польшѣ, онъ выразилъ глубокое сожалѣніе, что не можетъ сдѣлать того же для своей страны ²⁾. Кто знаетъ, быть можетъ среди заговорщиковъ были люди, которые только и участвовали въ заговорѣ изъ желанія угодить своему государю?

Бывшій посолъ Марковъ находился на смертномъ одрѣ, когда его племянникъ сталъ ему рассказывать подробности мятежа и закончилъ такъ свое повѣствованіе: „однимъ словомъ, все про-

¹⁾ Другой солдатъ, очевидецъ этой сцены, рассказывая мнѣ объ этомъ на смертномъ одрѣ, выражалъ свое возмущеніе настоящаго солдата.

И. Головинъ.

²⁾ Это увлеченіе со стороны Головина. Александръ,—самъ деспотъ въ душѣ и съ улыбкой только ангела, никогда не далъ бы конституціи Россіи и эпоха его царствованія съ 1815 г. до смерти одна изъ ужаснѣйшихъ и наиболѣе реакціонныхъ въ Россіи. На почвѣ этой эпохи и возросъ Николай I-ый. Именно эта тяжкая эпоха реакціи и господства нѣмцевъ и русскихъ изувѣровъ и вызвала протестъ лучшихъ людей. В. К.

изошло, какъ во Франціи*.— „Ты ошибаешься, другъ мой“, отвѣтилъ Марковъ, „во Франціи сапожники захотѣли быть господами, а здѣсь—господа захотѣли быть сапожниками“. Если это былъ только упрекъ, то онъ обращается въ похвалу. Однажды Государь позвалъ къ себѣ одного изъ своихъ генераловъ, онъ былъ страшно взволнованъ. „Имѣешь ли ты представленіе объ этой брошюрѣ“, спросилъ онъ, подавая ему проектъ о конституціи, который только, что нашли въ бумагахъ Константина.

„Нѣтъ“, отвѣтилъ генераль, а вамъ, ваше величество, была ли она извѣстна?— „Развѣ я бы такъ судилъ заговорщиковъ 14 декабря, если бы зналъ о ея существованіи“, отвѣтилъ растерянный государь. „Скажи мнѣ, кто редактировалъ проектъ?“ Генераль могъ только назвать имя переписчика—князя В...¹⁾.

Однако участь жертвъ благороднаго заблужденія, тѣхъ, которыхъ въ Россіи иначе не называли, какъ несчастными, не была смягчена послѣ этого открытія. Только радостныя событія, происходящія въ царской семьѣ или предпріятія, которыя нуждались въ Божьей помощи, нѣсколько облегчали ихъ положеніе. Такъ, напримѣръ, въ день объявленія войны Турціи, Николай, выходя изъ Казанскаго собора, приказалъ Бенкендорфу отдать распоряженіе о томъ, чтобы сняли кандалы съ осужденныхъ за 14 декабря. Но, когда, по окончаніи срока каторги, Бенкендорфъ хотѣлъ назначить имъ для жительства лучшіе города Сибири, чтобы имѣть возможность лучше за ними слѣдить, Николай этому воспротивился: О чемъ ты думаешь, сказалъ онъ, „развѣ можно дать имъ возможность пользоваться благами жизни въ лучшихъ центрахъ края“.

Взявъ карту Сибири, Николай собственноручно отмѣтилъ для мѣста ихъ жительства самыя отдаленныя, самыя пустынныя, мѣста этого печальнаго края. Вслѣдствіе этого распоряженія несчастные болѣе страдали на поселенія, чѣмъ на каторжныхъ работахъ, которыя собственно сами по себѣ не были для нихъ тяжелыми и благодаря которыхъ они имѣли утѣшеніе жить всѣ вмѣстѣ²⁾.

Первый завѣдывавшій осужденными, собранными въ Нерчинскѣ, встрѣтилъ ихъ въ халатѣ и со словами: „что вы тамъ харахоритесь, съ васъ тутъ живо собьютъ спѣсь“.

¹⁾ Не князь ли Вяземскій.

²⁾ Это было болѣе чѣмъ жестоко и совершенно незаконно, здѣсь обнаружилъ Николай чувство мстительности, недостойное монарха.

По первой жалобѣ на этого завѣдывающаго, на его грубость, Николай его прогналъ и на его мѣсто назначилъ генерала Лепарскаго добраго, просвѣщеннаго человѣка, командовавшаго раньше конно-егерскимъ имени Николая полкомъ.

Сосланные же не могли нахвалиться своимъ новымъ начальствомъ. Приведемъ еще случай въ пользу Николая. Одинъ изъ заговорщиковъ, князь Оболенскій, былъ его личнымъ врагомъ. На всѣ вопросы Николая онъ отвѣчалъ по-французски, не титулуя его, а называя: „monsieur“. Комиссія, желая угодить Николаю, приговорила его къ смертной казни. Николай вычеркнулъ его имя, сказавъ: „это низость!“ Но одинъ полковникъ Московскаго полка, у котораго по службѣ раньше были столкновенія съ Николаемъ, былъ осужденъ строже другихъ и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые всего менѣе воспользовался рѣдкими и скудными милостями своего бывшаго начальника. „Что Вамъ сдѣлалъ Вашъ Государь“, спросилъ Николай у одного изъ заговорщиковъ, которому онъ дѣлалъ честь лично его допрашивать. „У насъ былъ не одинъ, а два Государя“, былъ отвѣтъ, „вашъ братъ и Аракчеевъ“, и такъ какъ онъ продолжалъ въ подобномъ тонѣ, то присутствовавшій на допросѣ Михайлъ Павловичъ не выдержалъ и вскрикнулъ: „ему нужно заткнуть глотку штыкомъ“.

„Вы только-что спрашивали“, продолжалъ обвиняемый на эту грубость великаго князя, „зачѣмъ намъ конституція, и я вамъ отвѣчу, что она нужна, чтобы было невозможно подобное обращеніе“.

Сообщ. Б. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).